

Андрей Львович Ливадный

Восход Ганимеда

Аннотация

Судьба земной колонии на спутнике Юпитера Ганимеде висит на волоске. Члены экипажа крейсера военно-космических сил США, тайно прибывшего к планете для поиска артефакта внеземной цивилизации, не выдержав длительного перелета, один за другим сходят с ума. Джон Кински, командир корабля уже готов нажать на ядерную кнопку и уничтожить Ганимед. Остановить катастрофу пытается девушка-киборг Лада, агент российской внешней разведки. Она не колеблясь идет в самое пекло, потому что жалеть и терять ей уже нечего. Все самое страшное, что может произойти с человеком, Лада уже

пережила...

Пролог

Космический корабль, парящий на фоне бледной, серо-голубоватой облачности, издали казался похожим на гигантское, тусклое веретено, но только издали.

По мере приближения восприятие веретенообразной формы начинало распадаться, - слишком много деталей рукотворной конструкции бросалось в глаза, и все они казались внушительными, значимыми.

Трудно поверить, что это сделали люди, а когда осознание факта все же приходит, то вместе с ним просыпается гордость.

Представьте себе цилиндр с чуть серебрящейся, тусклой поверхностью, диаметр которого превышает километр,

а длина, вместе с полусферическими выступами на торцах, равняется пяти тысячам метров, и вы получите представление о той основе, на которой монтировались дополнительные секции транссистемного космического корабля.

Пятнадцать цилиндров опоясывали среднюю часть "Альфы", словно патронташ охотника, туго набитый гильзами.

Кроме упомянутых элементов из обшивки выступало множество надстроек различных служб; в некоторых местах тонкой серебристой щетиной возвышался лес антенн, многие из которых были вынесены далеко в космос на специальных опорных штангах, - и все это жило своей размеренной, механической жизнью. Пятнадцать опоясывающих

центральную часть "Альфы" грузопассажирских секций, вращались вокруг оси независимо друг от друга, на их обшивке то и дело вспыхивали огни, обозначающие габариты конструкций. Иногда из неприметных диафрагменных отверстий в космос вырывались крохотные облачка пара, которые тут же замерзали, превращаясь в кристаллики льда, - казалось, что огромный корабль дышит, медленно и ровно, словно он устал от долгого перелета и прилег отдохнуть подле дымчато-серого шарика планеты...

Как ни странно, но на борту столь внушительной конструкции находилось очень мало людей, которые занимались обслуживанием и пилотированием "Альфы".

Штатный экипаж бодрствующей смены состоял из двадцати человек, и столько же находились в резерве,

погруженные в низкотемпературный сон.

Именно поэтому многокилометровые секции космического корабля во время долгого перелета между Землей и Юпитером казались пустыми, полностью отдаанными во власть автоматических систем управления.

Осваивая глубокий космос, или, как еще по-другому называли удаленные просторы Солнечной системы, "Дальнее Внеземелье", люди впервые по-настоящему почувствовали, сколь ничтожны они сами, и сколь велики, если все же сумели переступить порог земных орбит и бросить дерзкий вызов этой БЕЗДНЕ...

Создав прецедент межпланетных перелетов, Человечество осознало, что вторглось в область совершенно новых условий выживания и, соответственно, технологий.

Первый экипаж, достигший лун Юпитера, совершивший управляемые посадки на Ганимед, Ио и Европу, не выдержал обратного пути. Из сорока человек только пятерым удалось сохранить рассудок на протяжении шести лет полета среди абсолютного мрака и безмолвия.

Люди поняли: концепция автоматических бортовых систем, в условиях дальнего космоса пока что незаменима.

Мы не привыкли расписываться в собственном бессилии, и в истории есть множество тому подтверждений, но в ситуации, сложившейся к середине тридцатых годов двадцать первого века, ставку пришлось сделать на кибернетические системы.

Их "мозг" не уставал от постоянного бодрствования, они не ошибались в математических расчетах,

видеосенсоры не слепли и не терялись взглядом в бездонных глубинах пространства. Компьютеры не подвержены психическим расстройствам, могут сколь угодно работать рядом друг с другом, ведь для них важна лишь совместимость программного обеспечения, а не "родство душ", которое, как выяснилось, в узких и тесных отсеках космического корабля запросто может перерасти в неприятие и даже в откровенную ненависть за очень короткий срок...

Таким образом, нет ничего удивительного, что многокилометровые коридоры "Альфы", совершившей очередной рейс между Землей и Ганимедом, оказались в этот час пусты и безлюдны.

Корабль только что закончил маневр сближения с планетой и теперь плыл по

орбите между двух пространств. С одной стороны простиралась новорожденная атмосфера Ганимеда, а с другой тускло сиял огромный бело-коричневый шар Юпитера.

За краем планетного диска Ганимеда разгоралась ослепительная серпообразная аура - это двигалось по орбите маленькое рукотворное термоядерное солнце, обогревшее своими лучами ледяной мир, сделав его пригодным для жизни людей.

В грузовых трюмах "Альфы" не горело даже дежурное освещение. Во тьме терялись очертания переборок и надежно закрепленного оборудования, предназначенного для разгрузки на Ганимеде.

Именно здесь произошло неординарное для космического корабля событие.

Мрак одного из отсеков внезапно

поредел. Едва заметный проблеск света проник наружу изнутри контейнера, прорвался тонкими лучиками через небольшие отверстия снятых крепежных элементов.

Вопреки правилам и инструкциям внутрь крупногабаритного груза тянулись два толстых кабеля питания. В точке их подключения к энергосистеме корабля был установлен небольшой прибор. Окажись тут техник из числа экипажа, он бы сразу понял: кто-то несанкционированно использует ресурсы "Альфы", вводя в заблуждение системы контроля.

Свет внутри контейнера изменил яркость. Раздалось резкое шипение, в воздухе поплыл неприятный запах медицинских препаратов.

Если верить декларации бортового груза в этом трюме находились

отключенные криогенные камеры, предназначенные для строящегося в колонии аварийного убежища.

...Внутри контейнера раздался характерный щелчок, будто там освободились фиксаторы, и тут же пробивающийся наружу свет сменил свой спектр, превратившись из зеленоватого в бледно-желтый. Одновременно в отсек начал просачиваться неприятно пахнущий молочно-белый газ.

Затем на некоторое время все стихло.

Прошло несколько часов, в течение которых газ успел полностью улетучиться, оставив после себя лишь слабый запах, прежде чем в отсеке произошли очередные события.

Внутри контейнера прозвучал тихий стон, сменившийся неясными звуками.

Боковая стенка неожиданно отделилась под приложенным изнутри

усилием и плашмя упала на пол.

Свет мгновенно стал ярким, неприятным...

Внутри открывшегося контейнера действительно находилась камера низкотемпературного сна. Сейчас ее верхняя прозрачная часть оказалась поднята, рядом, на полу, в болезненной позе скрчилась молодая женщина.

Ее тело сотрясала крупная непроизвольная дрожь, кожа выглядела пепельно-серой.

Несколько минут она сидела неподвижно, не в силах пошевелиться, затем сотрясавший ее озноб внезапно прекратился, хотя в отсеке было холодно, - по стенам ползли замысловатые узоры инея от замерзшего конденсата.

Женщина разогнулась и встала одним плавным, тягучим движением; протянула руку, на ощупь извлекла из

криогенной камеры герметично запаянный пакет.

Вскрыв его, она насухо вытерлась, быстро оделась в серую, плотно облегающую тело униформу, затем проглотила несколько пилюль.

Вскрыв соседний контейнер, она извлекла на свет объемистый кофр, раскодировала электронный замок, достала изнутри скафандр, снабженный характерным для ранцевого реактивного двигателя вздутием на спине.

В этот момент ее губы вдруг тронула неожиданная, легкая улыбка.

"Господи, неужели получилось?.." - говорили ее разгладившиеся, сбросившие напряжение черты.

До полной свободы, до исполнения самой сокровенной мечты оставался всего один шаг...

Порывисто расправив скафандр, она

отложила в сторону гермошлем с дымчатым забралом и начала экипироваться для выхода в открытый космос, не подозревая, что ее мечта оказалась грубо скомканной, втоптанной в грязь.

Слишком многое изменилось на Ганимеде за те восемь месяцев, что "Альфа провела в глубоком космосе.

* * *

К этому часу на борту корабля, помимо штатных членов экипажа, бодрствовал еще один человек.

Он только что вышел из реабилитационной камеры, где принимал массаж и душ после длительного сна. Растиршись грубым, шероховатым полотенцем, которое приятно согрело кожу, полковник Военно-космических сил России Виктор Сергеевич Наумов натянул комплект униформы и покинул

медицинский модуль.

Его уже ждали.

- Сюда, пожалуйста, - пригласил офицер корабля, обменявшись с Наумовым рукопожатием.

- Что-то случилось? - сдержанно поинтересовался Виктор Сергеевич, вслед за офицером входя в тесный тамбур, в стенах которого ровно светились пластины сканеров.

- Сейчас капитан сам все объяснит, - ответил его провожатый, ожидая, пока их личные карточки - его и полковника - выскочат из узкой прорези считывающего устройства.

- Все в порядке, можем идти, - произнес он, возвращая Наумову унифицированное удостоверение личности.

Собственно, помещение, куда они попали, не являлось постом управления, - пять или шесть лениво

перемигивающихся огнями терминалов, пустые кресла за ними да внушительный обзорный экран, демонстрирующий вид на Юпитер, - вот все, что заметил Наумов. Секунду спустя он понял, что ошибся - за средним терминалом кто-то сидел.

Услышав шаги, командир корабля повернулся вместе с креслом.

- Полковник Наумов? - он встал навстречу офицерам. Его русский оставлял желать лучшего, но Виктор Сергеевич не обратил внимания на акцент, - сам он изъяснялся по-английски много хуже.

- К вашим услугам, - Наумов произнес эту фразу сознательно и обдуманно. "Не в вашем распоряжении", а к "вашим услугам". И, несмотря на выдержку, вновь покосился в сторону обзорного экрана.

К горлу вдруг подкатила тошнота, а

внутри стало пусто и холодно.

Огромный, коричневато-белый шар Юпитера оказал на рассудок Наумова мгновенное, шокирующее воздействие, словно миллионы километров пустоты промелькнули перед полковником, вытянувшись черной бесконечной лентой...

Впрочем, приступ недомогания длился недолго. Он сумел взять себя в руки, отвел взгляд.

- Присядем, полковник, - сухо произнес капитан "Альфы", указывая на два, расположенных друг подле друга кресла.

Патрика Гормана, так же как его напарника Андрея Столетова, знал весь земной шар. Сменные капитаны "Альфы" пилотировали корабль по очереди. У каждого был свой экипаж. Смена на борту происходила один раз в два месяца. Остальное время

"отдыхающая вахта" проводила в камерах низкотемпературного сна.

- У нас большие неприятности, господин полковник, - глухо и раздраженно сообщил Горман терпеливо ожидающему объяснений Наумову. - Я не разбудил смену, хотя должен был это сделать. Вместо этого я разбудил вас.

Наумов лишь слегка приподнял бровь, внимательно слушая капитана корабля.

Он понимал, случилось нечто, выходящее из ряда вон. К неосознанному чувству тревоги примешивались и другие ощущения, ни одно из которых нельзя назвать приятным. Сама обстановка космического корабля действовала на нервы, - Наумову, как и большинству людей, никогда не покидавших свою планету, был абсолютно чужд этот мир,

а бездна, что расплескалась на экранах внешнего обзора, вызывала ощущение сродни животному страху.

Человечество делало первые шаги в освоении родной Солнечной системы. Наумов не являлся профессиональным астронавтом, и сейчас испытывал весь букет стрессовых ощущений, впервые оказавшись за сотни миллионов километров от Земли.

- Я нахожусь на действительной военной службе, - сдержанно напомнил он Горману, давая понять, что в любой ситуации он связан прежде всего воинским долгом перед своей страной.

- Я знаю. Но мне необходимо ваше содействие. Речь идет о чрезвычайной, нештатной ситуации... - Командир "Альфы" говорил тихо и угрюмо. - Нас не пускают на Ганимед, - тяжело добавил он.

Несколько секунд Наумов не мог

ничего ответить, для этого попросту не нашлось слов.

- Не пускают? По какой причине? - подавив эмоции, спросил он. Оставшаяся на лице легкая бледность, да резко обозначившиеся скулы все же выдавали смятение чувств.

Слова Патрика Гормана, показались ему абсолютно невозможными. Слишком много значил Ганимед для всех живущих на Земле людей. Корабль преодолел бездну пространства, нес на борту крайне необходимое колонии оборудование. Тысячи новых поселенцев спали в криогенных ячейках. Виктор Сергеевич просто не мог представить, какие обстоятельства могли бы заставить руководство колонии отказаться от разгрузки!

- Я не знаю в чем дело!.. - откровенно признался Горман. - Поначалу они несли какую-то чушь о

профилактических работах на космодромах. Но это абсурд - начинать их перед прибытием "Альфы"! А потом колония замолчала вовсе и не выходит на связь, сколько мы ни пытались! - внезапно вспылил он, дав понять, что ситуация накаляется уже не один час...

- А что говорит Земля?

- Ничего... - умерив тон, ответил капитан. - С ней у нас тоже нет связи... Радиограмма на ваше имя - это последняя весточка, которую мы получили оттуда. - Он повернулся, нашел взглядом офицера, что сопровождал полковника:

- Сэм, мне нужна шифровка на имя полковника Наумова.

Офицер кивнул, исчез в дверях.

- Вот она, сэр, - минуту спустя доложил он, протягивая Наумову сложенный вчетверо листок.

Виктор Сергеевич кивнул офицеру,

развернул сообщение и быстро пробежал глазами короткий шифрованный текст.

- Это имеет какое-то отношение к возникшей ситуации? - напряженно спросил Горман.

- Нет, - покачал головой Наумов. - Здесь идет речь об одном из членов моей группы. У него возникли проблемы семейного плана, - сдержанно сообщил он, видя, как проблеск надежды в усталых глазах Гормана сменился разочарованием.

- Жаль... - негромко произнес капитан "Альфы". - Я думал, вы сможете прояснить хоть что-то! Выходит, я зря приказал разбудить вас...

Наумов посмотрел на капитана. Его блеклые, выцветшие глаза, подернутые мутной красноватой поволокой недосыпания, говорили о состоянии

Гормана гораздо больше, чем тот хотел бы. Полковнику Наумову часто приходилось испытывать последствия стрессовых перегрузок. Не составляло труда понять: он видит перед собой человека не просто уставшего, - капитан находился под постоянным давлением и пребывал на волоске от срыва. Это Наумов мог утверждать точно.

- Подождите, Горман, может, я сумею что-то сделать? Расскажите, что случилось? Почему отсутствует связь? Как долго все это длится?

- Связи нет уже трое суток. Сейчас между нами и Землей находится Солнце. Вполне нормальное явление, которое продлится еще неделю, но я не могу столько ждать! А Ганимед в одностороннем порядке прекратил всякие переговоры... - удрученно повторил он.

- Почему?! - настаивал Наумов. Он привык мыслить логически, а в такой сфере, как Дальний Космос, по его понятию, были задействованы люди без исключения умные и последовательные. Поэтому полковнику казалось, что капитан "Альфы" попросту что-то недоговаривает.

- Я не знаю... - вновь повторил Горман. В его голосе проскользнули нотки отчаяния.

Наумов не был лично знаком ни с ним, ни со Столетовым, но знал, что оба капитана являются профессионалами высокого класса. В период своей службы на "Альфе" они подчинялись исключительно ООН и не раз подчеркивали, что находятся вне политики и вне интересов каких-либо государств.

- Мы в крайне затруднительном

положении, господин Наумов... - после долгой паузы произнес Горман. - Если не начать пробуждение колонистов и их высадку на Ганимед в ближайшие трое суток, то наше возвращение на Землю будет поставлено под угрозу.

- Почему?

- В межпланетной навигации задействованы не только двигатели нашего корабля, но и множество других составляющих, - терпеливо пояснил Патрик Горман. - "Альфа" не может нести на своем борту безграничный запас топлива, поэтому все этапы полета строго рассчитаны во времени и в пространстве. Для набора скорости и торможения производятся сложные вычисления, и траектория, по которой мы летим, позволяет использовать силы тяготения планет для торможения или разгона... это понятно?

- Да, - утвердительно кивнул Наумов.

- Тогда я скажу следующее: существуют временные рамки, в течение которых взаимное расположение небесных тел позволяет нам совершить расчетные действия. Если мы нарушим этот регламент, то "Альфа" никогда не достигнет Земли, - в той точке, куда мы стремимся, нашей планеты уже не будет, она уйдет по своей орбите вокруг Солнца. А смещение других планет, в частности Марса, исключит возможность экономии топлива. Космос достаточно жесток, полковник, он не приемлет проволочек или нестыковок...

- По-вашему мнению, на Ганимеде произошло что-то серьезное? - уточнил Наумов.

- После первых сеансов связи у меня создалось впечатление, что там царит настоящая паника... - устало пожал плечами Горман. - По наблюдениям с

орбиты, российский сектор освоения, в котором расположены космодромы, оборудованные для приема колонистов, полностью покинут. Но хуже всего не это... - Голос капитана внезапно стал жестким и сухим. - Наши датчики зафиксировали необычайную активность в американском секторе парковочных орбит. Мы провели подробное сканирование и обнаружили там... - он вдруг запнулся, словно пребывал в нерешительности, имеет ли он право сообщать информацию русскому полковнику и каковы будут последствия ее передачи...

- Мы обнаружили там "Гарри Трумэна"... - наконец, произнес он.

На этот раз лицо Наумова побледнело настолько, что никакое усилие воли не могло скрыть испытанного им потрясения.

После Китайского кризиса этот

корабль Военно-космических сил США знали все - даже те, кто никогда не слышал про Хиросиму и Нагасаки...

- Разве Ганимед не "зона безопасности"?

- Выходит, что нет... - раздраженно ответил Горман. - Вы-то летите именно туда, полковник. По приказу своего правительства.

- Но нас всего несколько человек, - резонно возразил Наумов. - Все в рамках международных соглашений. Смена состава, так сказать. И, если я не ошибаюсь, военным кораблям запрещено пересекать орбиту Марса?

- Я знаю это не хуже вашего! Сейчас вопрос не в том, кто и как нарушил международные соглашения! У нас на борту две тысячи человек! Ресурсов "Альфы" попросту не хватит, чтобы доставить их назад, на Землю! По крайней мере всех... - понизив голос,

добавил он.

- А почему вы сами не начнете разгрузку? Почему не пошлете на планету шатл?

- У нас нет челноков, - сокрушенно покачал головой капитан. - Слишком дорогое удовольствие - возить через всю Солнечную систему транспортные корабли. Разгрузку "Альфы" производят "Бураны". Они базируются на космодромах российского сектора освоения. На борту "Альфы" имеется лишь два десятка аварийных спасательных капсул, по количеству членов экипажа. Но я не могу рисковать своими людьми. Что бы ни творилось на Ганимеде, потеря любого члена экипажа окажется невосполнимой для "Альфы" и еще более снизит наши шансы на возвращение!

Наумову не составило труда понять,

куда клонит Горман. Капитан космического корабля мог попросить у него только один вид помощи...

Поначалу ему стало немного не по себе. Одно дело прыгать с парашютом с борта самолета, а другое - кувыркнуться с орбиты в утлой спасательной капсуле. Но, собственно говоря, был ли у него выбор?

- Нужно высадиться на Ганимед?

Горман пристально посмотрел на Наумова и медленно кивнул.

- Я могу рассчитывать на вас, полковник?

- В чем? - в свою очередь прищурился Наумов.

Горман покачал головой.

- Вы должны понять, тут не Земля, - устало произнес он. - Некоторые основополагающие моральные ценности на Ганимеде становятся зыбкими... Я уже давно стал

космополитом, - при этих словах он почему-то усмехнулся. - Возможно, тем, кто находится сейчас внизу, кажется, что у них проблемы. Возможно... - повторил он. - Но настоящие проблемы - у "Альфы", вернее у тех ничего не подозревающих пассажиров, что находятся сейчас в криогенных модулях!

- А "Гарри Трумэн"? Зачем он тут? Вы не пытались установить связь с ним?

- Они не отвечают. Как и Ганимед. Черт побери, полковник, я понимаю, что прошу от вас многого, но поймите и меня, - капитану "Альфы" нет дела ни до "Гарри Трумэна", ни до тех событий, что происходят внизу! Это ДАЛЬНИЙ КОСМОС, ВНЕЗЕМЕЛЬЕ, если вы еще не осознали смысл происходящего! Здесь нет права на ошибки, неточности, проволочки, межгосударственные

прения... Я же не идиот и понимаю, будь у них там внизу настоящие проблемы, то передатчики "Альфы" верещали бы без умолку! Нет, они молчат! Значит, внизу можно жить, и поверьте, для меня этого достаточно!

- Хорошо, - согласился Наумов. - Я готов помочь.

Командир "Альфы" недоверчиво покосился на русского полковника.

- Вы согласны высадиться на Ганимед и узнать, что там происходит?

- Да.

* * *

Переговорив с Наумовым, Патрик Горман прошел в главный пост управления "Альфы".

Капитан был взбешен и озадачен происходящим. За то время, что он руководил сменным экипажем, Патрик действительно успел стать

космополитом, - он жил, отрицая такие понятия, как "расовая принадлежность" или "государственная граница".

Если бы колония Ганимеда внезапно и необъяснимо умолкла, Горман первым ринулся бы туда выяснить, в чем дело, поскольку знал, что такое дальний космос, как беспощаден он бывает к людям. Но нет. С ним *не хотели* разговаривать! Словно он явился сюда по собственной инициативе, незваным, нежданным гостем...

Внезапно в тяжелые мысли капитана вплелся сигнал тревоги.

Горман вздрогнул.

- Что еще стряслось, Джон?! - резко спросил он у вахтенного офицера.

- Старт с правого борта, сэр! - потрясенно воскликнул тот. - Пусковая шахта номер семь только что произвела отстрел аварийно-спасательной

капсулы!..

- Следите за ее траекторией! - приказал Патрик, заняв свое рабочее кресло. - Мне нужны координаты входа в атмосферу!

Самопроизвольное срабатывание автоматики?

"Господи, если весь мир сошел с ума, убереги хотя бы бортовой компьютер..." - со страхом и смятением думал он, глядя на осветившийся экран.

Горман вдруг осознал, что с того момента, как "Альфа" десять лет назад впервые покинула орбиту Земли, он еще ни разу не испытывал столь унизительного, отравляющего душу страха.

Это был страх, рожденный осознанием собственной беспомощности и бессилия перед необъяснимой чередой загадочных событий и странным, неоправданным

эгоизмом находящихся внизу людей.

Мучительно размышляя над создавшейся ситуацией, капитан "Альфы" следил за вхождением капсулы в атмосферу Ганимеда.

Откуда он мог знать, что корни возникшей проблемы, молчание колонии, самопроизвольный, по его мнению, старт автоматической капсулы, присутствие "Гарри Трумэна" на орбите и паническое поведение администрации Ганимеда, - все это имело под собой реальные корни. Только связующих нитей было несколько, и тянулись они не только на Землю.

Здесь, на Ганимеде, внезапно сплелись в тесный клубок совершенно разные судьбы и события...

Часть I. Судьбы земные

Глава 1

Колония Ганимеда. Российский сектор освоения. 25 августа 2029 года по летосчислению Земли...

Многоэтажное здание рушилось, медленно оседая в широкое ущелье улицы.

Сверкающим водопадом брызнули закаленные стекла верхних этажей. В тусклом, отраженном свете Юпитера падающие вниз осколки казались малиново-серебристым туманом. Все происходило, как при замедленной съемке: стены задрожали и разломились, контуры небоскреба окутала взвихрившаяся в стылом ночном воздухе пыль, сопровождавшая неторопливое падение бетонных

обломков.

Сила тяжести на Ганимеде в пять раз ниже, чем на Земле.

Именно поэтому здесь удалось воплотить в жизнь многие технологии и конструктивные решения, которые до определенного времени ждали своего часа.

Ганимед, третий спутник Юпитера, стал средоточием всех помыслов, очередной надеждой на светлое будущее многих и многих народов перенаселенной Земли.

...Свет, внезапно пробившийся со стороны невысоких гор, сопровождался равномерным стрекотом и вибрирующим гулом вертолетных лопастей. Машина шла на небольшой высоте. Поисковый прожектор ворочался из стороны в сторону, облизывая стены зданий жадным, алчущим языком света. В красноватой

юпитерианской ночи он походил на жутковатый глаз внеземной твари...

- Морган, что это было, дьявол тебя раздери?! - пришел гневный вопрос на радиочастоте.

Пилот вертолета облизал пересохшие губы:

- Там что-то двигалось, сэр...

- Я не спрашиваю, что там двигалось, я спрашиваю о взрыве?

Глаза пилота - пустые и блеклые - выражали безумие.

- Ракета, сэр. "Томагавк-2000", - с трудом выдавил он.

- Ты сошел с ума!

- Я здоров. Там что-то движется!

- Это сектор русских, идиот!

Приказываю возвращаться на базу!

- Да, сэр... - палец Ричарда Моргана, лейтенанта Военно-космических сил США, заученным движением скинул скобку предохранителя с гашетки

залповой установки "смерч".

- Ты слышишь, Морган, ответь мне!

Капитан Джон Кински, командир крейсера "Гарри Трумэн", мог вызывать его до хрипоты.

Лейтенант Морган не контролировал свое восприятие. Его рассудок полнился галлюцинациями, накладывающимися на реальность.

Он больше не мог смотреть, как ползут от стены к стене, от здания к зданию эти неясно очерченные, изломанные сгустки серой субстанции.

Тупоносый армейский вертолет на секунду завис, чуть накренясь в сторону улицы, и внезапно его темный силуэт вспыхнул, взорвался остервенелым огнем, словно во тьме кто-то чиркнул пригоршню спичек.

Шквал снарядов обрушился на стены близлежащих домов, огласив притихшие окрестности

оглушительным, сливающимся в вой стаккато.

Морган непроизвольно подался вперед, насколько позволили ремни пилотажного кресла.

Тени исчезли, растворились в оранжево-черных вспышках разрывов, их не стало, и лишь жалобный, переливчатый звон выбитых стекол осыпался на изуродованный тротуар...

"Ублюдки..." - мелькнула в его сознании злая, истеричная и неизвестно кому адресованная мысль.

Пилот нервно озирался, уже едва справляясь с управлением боевой машиной.

Язык света вновь потек по искалеченным стенам, что-то выискивая во тьме.

А ведь там действительно кто-то двигался!..

Липкий пот прошиб лейтенанта,

когда в ослепительном конусе света мелькнула и исчезла сгорбленная человеческая фигура.

Его палец уже жил своей, самостоятельной жизнью.

Луч света метнулся вслед за стремительным силуэтом, шквальный огонь бортового вооружения хлестнул по фасаду жилого здания, внизу которого располагался магазин и несколько офисов. Ураган снарядов вышиб дверь, превратив ее в уродливую пластиковую щепу, пробежал по тройному закаленному стеклу витрины, оставляя в нем окруженные сетью трещинок дыры величиной с кулак, и замолотил по стене, поднимаясь к окнам второго этажа...

Пилот не заметил, как в одном из них появился силуэт в скафандре.

Человек, казалось, тоже не видит и

не слышит сокрушительного огня вертолетных пушек.

Резким движением приподняв раму окна, он спокойно припал на одно колено, целясь в разорванный прожекторным огнем мрак из оружия, внешне похожего на гибрид снайперской винтовки и автомата Калашникова.

На лицевом щитке гермошлема злобно, тревожно вспыхнул огонек, обозначивший работу термальной оптики.

Палец человека несколько раз сжался, словно разминаясь, и лишь затем лег на спусковой крючок.

Два плавных движения слились почти в одно.

Выстрел, легкий поворот ствола, выстрел...

Прожектор погас, но пушки бесновались еще пару секунд, пока

палец мертвого пилота не соскользнул с гашетки.

В выпуклом триплексе вертолетной кабины красовалась небольшая дыра, проделанная бронебойным зарядом.

Лейтенант Морган был мертв. Его внезапно вспыхнувшее безумие наконец завершилось. Вертолет, лишившись управления, чуть покачнулся и вдруг начал неуклюже падать в расселину улицы, заваливаясь на один борт. Работающие лопасти чиркнули по стене здания, со скрежетом зацепили какой-то выступ, и многотонная машина рухнула на обезображенную мостовую.

Через несколько секунд полыхнул еще один взрыв. К свинцово-фиолетовому небу взметнулись языки пламени, жадно охватившие подбитый вертолет.

Человек присел на пластиковый

подоконник, отстегнул забрало гермошлема и замер, глядя вниз.

Из-под обода забрала выбился локон длинных волос. Лицо молодой женщины, освещаемое отблесками пожара, хранило сумрачное спокойствие.

* * *

- Ничего не трогайте, сэр, - предупредил техник, протянув руку к приборному щитку, выступавшему из потолка посадочной капсулы прямо над головой Наумова.

Щелк... Щелк... Щелк... - проворные пальцы перекидывали переключатели достаточно примитивной, но надежной панели управления в рабочий режим, а вокруг таинственно оживали какие-то огоньки, тускло вспыхнули несколько крохотных, размером со спичечный

коробок, экранов, по которым тут же побежали плавные синусоиды графиков, очевидно отражавших работу систем посадочной капсулы.

- За вас все сделает бортовой компьютер, - дошел до сознания Виктора Сергеевича голос техника. - Вы знакомы с системами скафандра?

Наумов, который лежал в неудобной позе внутри толстого, многослойного, напичканного электроникой цилиндра посадочной капсулы, не имея возможности толком пошевелиться, просто скосил глаза, поймал взглядом лицо провожавшего его человека и кивнул, насколько это позволило свободное пространство внутри гермошлема.

"Вот это называется - влип..." - саркастически усмехнулся он.

Конечно, Наумов был знаком с системами индивидуального

выживания в космосе. Теоретически. На практике попробовать не успел - слишком уж скоропалительным оказалось его назначение сюда, на Ганимед...

Пальцы техника потянулись к шлему, надвинули на лицо дыхательную маску и опустили забрало.

Сухой щелчок, чавкающий звук расправившегося под давлением уплотнителя, первая порция горьковатого кислорода из плотно облегающей лицо маски, и тишина... Глубокая, всеобъемлющая тишина, в которой медленно опустился массивный овальный люк посадочной капсулы.

По телу Наумова пробежала невольная дрожь. Он лежал, туго схваченный страховочными ремнями. Свет внутри капсулы внезапно моргнул и сменился на красный.

Тишина раскололась.

- *ZERO-FIVE...*

ZERO-FOU...

ZERO-FHREE...

ZERO-TWO...

ZERO-ONE...

Мягкий голос бортового компьютера, произносящий цифры обратного отсчета на английском языке, воздействовал шокирующее.

Его разум, который, как казалось, очерствел в боях, разучился испытывать иррациональный страх перед неизбежными событиями, на этот раз взбунтовался - полковник был и оставался отличным солдатом, прекрасным, закаленным и проверенным в боях командиром, но этого оказалось мало...

Он привык управлять стропами парашюта, делать все своими руками и, случись что, пенять лишь на себя, но, как выяснилось в эти секунды, он не верил ни бортовому компьютеру, ни

любой другой системе посадочной капсулы.

Цепь замкнулась.

Внезапное ускорение навалилось перегрузкой - это капсула, освободившись от магнитных захватов, начала разгон по стволу стартовой катапульты.

Наумов зажмурился.

Он знал, что уже не в силах что-либо изменить, оставалось лежать, вдыхая часто и равномерно.

Что он и сделал.

"Какого черта они послали сюда именно меня?"

Наумов впервые задал себе этот вопрос. Всю жизнь он подчинялся приказам, убеждая себя, что только так и нужно поступать офицеру... Но сейчас, падая в бездну космического пространства, отделенный от нее лишь утлой скорлупой брони, он вдруг

осознал, что его назначение на Ганимед выглядело по меньшей мере абсурдным. Он не имел специальной космической подготовки, не был ни полиглотом, ни космополитом, при желании он мог бы назвать еще с десяток критериев, по которым его кандидатуру должны были неизбежно отвергнуть...

Единственное, что он умел, - это грамотно воевать на земной тверди.

Ощущение невесомости пришло подкатившей к горлу тошнотой. Затем он почувствовал, как в недрах капсулы что-то завибрировало, и внутренняя система оповещения вдруг выдала какой-то отчет о произведенном действии. Рассудок полковника не отреагировал на это сообщение. Словарного запаса его английского не хватило, чтобы осознать смысл доклада бортовой системы.

Зато он осознал нечто другое: его вызов в Москву и назначение на Ганимед выглядели так странно и скоропалительно, что не оставалось сомнений, - он понадобился тут именно в силу своих военных навыков, и этот критерий перевешивал все остальные.

Закрыв глаза, он падал в бездну, не видя, но ясно *ощущая* ее. Чтобы не концентрироваться на этом пагубном чувстве свободного падения среди необъятной пустоты, Наумов попытался в своем воображении вызвать какие-нибудь воспоминания, но добился лишь того, что перед мысленным взором встал тот самый злополучный день, когда его, вырвав из боя, отправили в Москву...

Глава 2

Ганимед. Российский сектор освоения. 25 августа 2029 года...

Рывок парашютной системы Наумов мог отличить от тысяч других внезапных динамических перегрузок.

После рева двигателей, изматывающей, тошнотворной невесомости и столь же изнурительной тяжести при коротких включениях тормозных сопел замедленное куполами падение показалось ему чуть ли не райским ощущением.

Однако в данный момент полковника заботило другое.

Могло ли командование на Земле предвидеть ситуацию, в которой сейчас оказалась "Альфа"?

Логика подсказывала, - предвидеть могли, но только в том случае, если "Гарри Трумэн" покинул орбиту Земли

чуть раньше, чем "Альфа", и направился к Ганимеду со вполне определенной целью...

Он не успел закончить свои логические выкладки, на выступающей приборной панели капсулы один за другим начали загораться зеленые искорки индикаторов.

Очевидно, маневр подходил к концу.

Точно...

Удар о землю, вернее о Ганимед, показался ему сопоставимым с падением в металлической бочке с высоты нескольких этажей. Амортизирующий каркас под полковником просел, принимая на себя часть энергии удара, но и ему досталось изрядно - казалось, в теле перетряхнуло все кости.

На индикационной панели вспыхнуло еще несколько предупреждающих искр, что-то

пробубнила система внутреннего оповещения, а затем раздался неприятный, протяжный скрежет, вслед за которым на скафандр Наумова посыпалась окалина.

Люк над его головой открывался.

Электромагнитные замки ремней щелкнули и отключились.

Он прибыл на Ганимед...

* * *

Двигаться в скафандре оказалось крайне неудобно - Наумов провозился несколько минут, прежде чем сумел освободиться от захватов амортизирующего каркаса и выбраться из капсулы.

"Да, на бравого космодесантника не тяну..." - с внутренним раздражением подумал он, огляделвшись по сторонам.

Как показалось Наумову, скафандр

не только стеснял движения, но и ухудшал видимость, - дымчатое стекло гермошлема видоизменяло мир вокруг, сглаживало тени и пропорции, скрадывало расстояния. Возможно, он просто не привык к такой экипировке...

Вокруг было пусто и тихо. В прозрачном фиолетовом небе царил яркий серп Юпитера. Он помнил, что Ганимед всегда повернут к планете-гиганту одной своей стороной, точно так же как спутница Земли - Луна.

Впрочем, имело ли это сейчас какое-то значение?

"Скорее всего, нет..." - мысленно решил Наумов, продолжая изучать местность и одновременно стараясь свыкнуться с таинственным сумраком и мягкими, размытыми тенями. Их отбрасывали нагромождения каменных глыб, виднеющиеся повсюду.

Рельеф Ганимеда, сформированный колонизацией, выглядел незамысловато: прежде спутник Юпитера покрывал толстый панцирь льда, а теперь, когда на орбите зажглось маленькое термоядерное солнце, ледники растаяли, превратившись сначала в разреженную и ядовитую атмосферу, а уж потом, после запуска процессоров переработки, в пригодный для дыхания человека воздух. В результате таяния льдов каменные глыбы, которые на протяжении миллиардов лет были впаяны в толщу ледников Ганимеда, просто опустились до уровня твердой поверхности, образовав скопления различной высоты и протяженности.

Капсула Наумова совершила посадку между каменными торосами и сейчас лежала на боку, полузарывшись в острый щебень, совсем не похожий на

лунный реголит. Борта капсулы выглядели опаленными, местами с них отслаивалась окалина.

Осмотрев местность, Наумов вернулся к спускаемому модулю, заглянул внутрь, нашел прибор связи и попытался вызвать "Альфу".

К его удивлению, борт ответил практически сразу.

- Полковник? - спросил коммуникатор голосом Гормана. Не было слышно ни позывных, ни установленных формулировок, - создавалось ощущение, что его выхода в эфир ждали, постоянно находясь на связи.

- Да, это Наумов. Что нового, господин Горман?

- Зовите меня, Патрик, хорошо? - неожиданно попросил командир "Альфы". Напряжения в голосе капитана ничуть не убавилось.

- Что-то случилось? - спросил полковник.

- Очередные проблемы, - скучо ответил Горман. - Рад, что у вас все прошло без осложнений. Мы вели капсулу по каналам телеметрии, но я все равно волновался.

- Назовите мои координаты, - попросил Наумов. - И сообщите, что за новые проблемы?

- Да, конечно. У нас произошел сбой в системе автоматического запуска, и буквально перед вами к Ганимеду отправилась еще одна посадочная капсула. Мы не знаем, был ли кто-то на ее борту...

- Вы подразумеваете, что там мог находиться человек? - не совсем тактично перебил его Наумов, сделав ударение на слове "мог".

- Нет. Практически это невероятно, - поспешил рассеять его опасения

Горман. - Скорее всего произошло самопроизвольное срабатывание автоматики. Такое, к сожалению, иногда случается. Но, тем не менее, я бы хотел, чтобы вы обследовали ее, полковник. Кapsула, по нашим данным, находится в двух километрах к северу от вас. Это направление совпадает с дорогой к ближайшему населенному пункту. Вы находитесь в семи километрах южнее границы русского и американского секторов. Ближайший космодром в тридцати километрах севернее вас, двигаться нужно вглубь российской территории.

- Здесь есть магнитное поле? - осведомился Наумов, взглянув на вшитый в рукав скафандра приборный комплекс. Световой индикатор электронного компаса действительно указывал строго определенное направление.

- Да, хотя на Ганимеде нет естественного геомагнитного поля, но зато присутствует искусственное. На полюсах смонтированы специальные генераторы, - объяснил Горман. - Без магнитного щита, отклоняющего часть излучения, жизнь на поверхности была бы затруднительна.

- Ясно. - Наумов сориентировался. - Мой передатчик в скафандре сможет вызывать вас?

- Пока еще нет. Спутник-ретранслятор уже запущен, но до завершения геостационарного маневра остается около часа. Когда ретранслятор займет заданную точку орбиты, он перекроет зоной своего действия весь российский сектор. Любой сигнал будет передан им на "Альфу".

- Хорошо. - Наумов еще раз взглянул на компас и начал искать подходящий

проход в нагромождении каменных глыб. - Будем поддерживать связь по мере возможности.

- О'кей. Как только заработает спутник, вызову вас немедленно.

- Вот что еще, Патрик, - произнес Наумов. - На всякий случай, хоть они и молчат, оповестите руководство колонии о моем появлении. Не хочу внезапных проблем.

- Вы опасаетесь конфронтации? Но на Ганимеде не в ходу оружие.

- Зато оно есть на "Гарри Трумэне", - мрачно напомнил Наумов.

- Да, конечно, вы правы. Я попытаюсь оповестить всех, по крайней мере дам информацию в эфир.

- Тогда до связи.

- Спасибо полковник. Я... Мы все надеемся на вас.